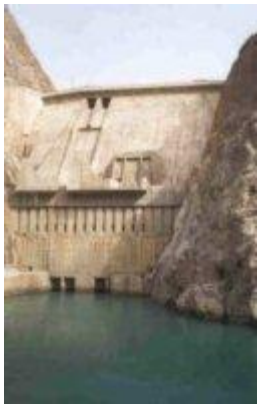
ПЯТЬ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ НА ВОДНОЕ ПРАВО В БАССЕЙНЕ АРАЛЬСКОГО МОРЯ

Разные взгляды на водное право напрягают отношения центральноазиатских государств. Какие-то споры урегулируются, какие-то ждут своего часа. Тем временем идет разработка национальных законодательств. Насколько они созвучны друг другу и международному праву? *\»Правда Востока\», 28.2, 13.3, 20.3, 2.4.2002г. Книга \»Несколько сюжетов на фоне маловодья\», изд.центр \»Янги аср авлоди\», 2002г.*

Разные взгляды на водное право напрягают отношения центральноазиатских государств. Какие-то споры урегулируются, какие-то ждут своего часа. Тем временем идет разработка национальных законодательств. Насколько они созвучны друг другу и международному праву? Хорошо бы послушать и услышать друг друга! Такую возможность предоставила Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия Центральной Азии водникам и правоведам пяти государств. Место встречи – Ташкент, тренинговый центр. В качестве экспертов приглашены ученые из Великобритании. Тема: “Международное и национальное водное право и политика\».

От хаоса — жар и треск

“Представьте, что вы живете на реке, которой нет”. “Представить можно, а дальше что?” Примерно такой была реакция взрослых людей на предложение экспертов поиграть. “Допустим, на реке Майдарья расположены два государства. А вы их граждане. Одни прибыли из Верхнего государства, другие — из Нижнего. Обоснуйте требования на реку. А условия таковы…” Играя, слушали аргументы несуществующих государств, а потом – советы юристов-международников.

Сложность ситуации, в которой оказались республики бывшего Союза, в том, что опыта водной дипломатии у них нет. Была одна страна, а в ней из центра разрешались любые региональные противоречия. “Нет стабильного стока? Давайте построим водохранилища в верховьях. При этом затопит плодородные земли, ну так среднее течение и низовья на что? Будет вода — накормят. Гидростанции верховий станут вырабатывать электроэнергию в больших объемах летом и почти ничего — зимой. Тоже нормально. Есть

закольцованная энергосистема с межреспубликанскими перетоками, никто не будет обижен. Главное — урожаи увеличить! Они дадут и продуктовую независимость, и валюту".

После распада Союза философия общей выгоды приказала долго жить. Как оказалось, интересы молодых государств часто противоположны. "Соседи, не обижайтесь, нам не до вас", — так формировалась новая философия, имевшая с международным правом мало общего. Она простительна для начинающих, ведь в хаосе переходного периода каждый стремится к самоутверждению. Между тем эксперты из Научного института международного водного права университета Данди, далеко не новички в своем деле, убеждали коллег придержать амбиции: "Разрешить спор куда дешевле, чем погасить конфликт". В общем, кто о чем, а капиталист, пусть даже и ученый, считает деньги. И оперирует при этом собранной по водным спорам и конфликтам преогромной статистикой.

В историческом ракурсе

Знаете ли вы, что в истории человечества известен лишь один пример войны из-за воды? Очень давно, 4500 лет назад, в бассейне Тигра и Евфрата довраждовали до нее два города-государства Лагаш и Умма. Это крайность. И все-таки известно около двух тысяч конфликтов, когда страсти накалялись.

За последние полвека около сорока инцидентов связаны с насилием. Почти стопроцентно в разных частях планеты бились за количество воды и инфраструктуру. Не будем уточнять где, число бассейнов трансграничных рек и озер велико. Их — 261. Еще недавно перечень бассейнов, пересекающих границы двух или более стран, был на полсотни меньше. Но с образованием новых независимых государств в Европе и Азии международники стали оперировать обновленными данными ООН: "Трансграничные бассейны охватывают 45,3 процента поверхности Земли, на которой проживают около сорока процентов населения планеты и сосредоточено восемьдесят процентов мирового речного стока".

Если где-то хаос, одеяло тянется в разные стороны до треска. Но, по мировой статистике, случаев сотрудничества много больше. За полвека подписано свыше полутораста соглашений между странами. Между прочим, есть в этом вдохновляющем раскладе и несколько строчек по новым независимым государствам бассейна Аральского моря. Тревожит только, что Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан попали в группу риска. Это ведь и в их адрес сказано, пусть заумно, но верно: "Вероятность и интенсивность конфликта повышается по мере того, как скорость изменений в пределах бассейна превышает его организационный потенциал…"

Водник и юрист любой из пяти стран популярно объяснит, в чем суть. С середины восьмидесятых годов управляли речной водой два бассейновых водных объединения — БВО "Амударья" и БВО "Сырдарья". Эта структура управления создавалась в рамках одной юрисдикции. Вододеление опиралось на бассейновые схемы комплексного использования и охраны водных ресурсов, согласованные пятью союзными республиками и утвержденные союзным Минводхозом в 1984 году. Но СССР с исключительной скоростью распался и образовалось несколько юрисдикций. Как у них с "организационным потенциалом"?

Страны пытались его наращивать. В феврале 1992 года министры водного хозяйства подписали соглашение о создании Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии — МКВК. Оба БВО были переданы в ее подчинение. Основа для работы — все те же бассейновые схемы. На следующий год эту договоренность — точнее, "Соглашение о сотрудничестве в сфере совместного управления, использования и охраны водных ресурсов межгосударственных источников" — на своем саммите утвердили президенты. Тут бы и вздохнуть с облегчением, что все в порядке и хаоса

избежали, но порядок-то старый!
Лимиты на амударьинскую воду между Туркменистаном и низовьями Узбекистана, к примеру, устанавливались пятьдесят на пятьдесят. Теперь каждая сторона претендует на передел в свою пользу. И такая позиция у всех партнеров на всех трансграничных реках бассейна Арала. Дальше других пошел Кыргызстан, законодательно объявив водные ресурсы товаром: “Хотите получать их в нужное время в нужном месте — платите”. После размежевания он стал собственником Токтогульского водохранилища и вроде бы вправе командовать водовыпусками. Но эта точка зрения оспаривается. Что говорит об этом международное право?

“Не рассчитывайте на суд”

Профессиональные юристы пяти центральноазиатских стран, как выяснилось, очень надеются на “чужого дядю”. Начиная перечислять взаимные обиды, заявляют: “Пусть нас рассудит суд!” А зарубежные эксперты утверждают как раз обратное: “На Международный суд не рассчитывайте”. Обратиться туда, конечно, можно. Но проводятся разбирательства только с согласия всех вовлеченных сторон. Страна, чьи национальные интересы ущемлены, вправе отказаться от признания суда или его решений. А вот еще аргумент: с момента возникновения суда в 1945 году им был рассмотрен лишь один случай, касавшийся международных водных ресурсов.
Так кто же рассудит — товар вода или не товар? Эксперты вспоминают, что полвека назад в мире немало спорили, есть ли абсолютный суверенитет на протекающие ресурсы. Тезис “верхние государства имеют полное право использовать воду как хотят” тогда отвергли — нет вседозволенности. В конце концов, не каменный ведь век и даже не серебряный. Во времена оные не было дефицита, сейчас другая эпоха. И оптимальным выходом из конфликта считается, что, если соседи не могут договориться, как делить воду, то надо делить не воду, а выгоды от нее. Так, к примеру, делили выгоды американцы и канадцы. Первого соглашения достигли в 1950 году по Ниагаре. Они посчитали, что кубический метр воды в летние дни приносит больше денег за счет туризма, чем от выработки электроэнергии. Вот об этом и договорились — увеличивать расход воды для Ниагарского водопада в “периоды показа”. А в начале шестидесятых годов они же договорились по реке Колумбия. Штаты стали платить Канаде за выгоды от контроля паводков, Канаде были предоставлены права на забор воды для выработки электроэнергии между реками Колумбией и Кутеней.
В семидесятые годы было заключено соглашение по реке Меконг. В ее бассейне тоже много спорили, что значит управлять ресурсами по справедливости. На реке находятся шесть стран. Всем сестрам по серьгам? Нет, признали равные права на использование воды на основе социально-экономических потребностей каждой страны бассейна.
Почему бы и в бассейне Арала считать не доли, а выгоды? Пока не так. Юристы и водники Кыргызстана буквально на каждой встрече с коллегами пытаются объяснить причины перевода Токтогульского водохранилища из ирригационного режима в энергетический. Ищут понимания. Не находя его, говорят о суверенитете и плате за воду. А такой поворот вообще тупиковый. Впрочем, специалисты в области дипломатии подсказывают, что

“тупики” — необходимая часть переговоров и могут привести к компромиссу.

Почему Токтогул худеет

Ирригаторы об этом говорят с болью, юристы тоже, мол, мы вам счет предъявим за ваши безобразия. Зимой вместо того, чтобы запасы накапливать, их из Токтогула сбрасывают. Ниже по течению зимние паводки размывают дамбы, переполняют водохранилища. Кайраккумское сбрасывает избыточную воду в Сырдарью, а нижнее Чардаринское водохранилище такой возможности лишено — река покрыта льдом, а берега застроены. Пустить сюда — все посносит. Альтернатива — Арнасайская впадина. Около тридцати кубокилометров сырдарьинской воды сброшены сюда за последние зимы. От них нет пользы ни Аралу, ни земледельцам. Затоплена часть пастбищ Навоийской и Джизакской областей Узбекистана. В убытке и те земли, что соседствуют с затопленными — тут поднялись грунтовые воды.

Прежде паводки случались только весной и летом при таянии снегов и ледников. Паводки не поддавались управлению. Скажем, нужна вода полям, а ее еще нет или уже нет. Чтобы исправить картину и было принято решение о строительстве в верховьях на реке Нарын каскада водохранилищ и гидроэлектростанций. В советское время с тем, что надо накапливать воду для поливов, сделав сельское хозяйство в регионе максимально стабильным и прибыльным, никто не спорил – карман один. Спорили разве что о тактике: будет это два десятка небольших водохранилищ и ГЭС или числом много меньше, но с мощной емкостью в кыргызских горах общим объемом в девятнадцать с половиной кубокилометров и полезным объемом — в четырнадцать.

Хозяйственники выбрали второй вариант, пожертвовав благодатной Кетмень-Тюбинской долиной. Людей из затопляемой зоны выселили. А десятки гектаров чернозема перестали кормить – они оказались дном Токтогульской чаши. Ее заполнение началось в 1972 году.

Рокировка

Тогда была приоритетом ирригация, теперь — гидроэнергетика. А все потому, что “скорость изменений в пределах бассейна превысила его организационный потенциал”. Соглашения, подписанные новыми независимыми государствами, имели рамочный характер: устанавливали направления сотрудничества, а механики, как реализовывать, не содержали.

А развивались события так. В 1993-м президенты закрепляют статус-кво в бассейне Аральского моря, но всем очевидно, что нужна новая стратегия вододеления. В 1994 году в январе в Нукусе президенты подписывают Программу конкретных действий по улучшению экологической обстановки в бассейне Аральского моря, одним из главных пунктов которой — разработка такой стратегии. Она разрабатывается, но партнеров не устраивает. Старый порядок не годится, нового нет. Верховья, перестав получать компенсации за то, что ради общего блага копят воду на поливы, перестали думать об общем благе. Каждый сам за себя.

Кыргызские энергетики для выработки электроэнергии зимой пошире открыли шлюзы Токтогула. Если с 1975 по 1991 годы в невегетационный период срабатывалось в среднем по 2,7 кубокилометра, а в вегетационный — 8,1 кубокилометра, то с 1992 по 2001 среднегодовые попуски в невегетационный период выросли до 7,2 кубокилометра, а в вегетационный снизились до 6,1. В засушливый 2001 год разница еще значительней. Мало того, что зимой режим стал, как летом, а летом, как зимой, так еще и сток из водохранилища стал больше притока! Из года в год снижается его уровень. Это грозит обострением конфликта с соседями.

Что делалось, чтобы его избежать? В апреле 1996-го достигается соглашение между правительствами Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана об использовании

топливно-энергетических и водных ресурсов, строительстве и эксплуатации газопроводов. В мае того же года главы государств заявляют о необходимости ускорения разработки новой стратегии вододеления в регионе.
В 1997-м страны региона заключают договор о создании единого экономического пространства, в 1998-м подписывается соглашение между правительствами Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна Сырдарьи. Тогда же и те же участники подписывают соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды и рационального природопользования.
В 1999-м принимается еще один важный документ — Ашхабадская декларация. В ней главы пяти государств признают, что принимаемые усилия по решению проблем бассейна Аральского моря недостаточны. В Декларации излагаются намерения, но ничего не говорится про механизмы управления. Правда, на той же встрече президенты изменяют структуру управления Международным фондом спасения Арала. Да только фонд, хоть и играет определенную роль в международных водных отношениях, не механизм управления. Другое дело, его детище — Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия. Но к ее деятельности столько претензий!..
На этой стадии делается попытка найти механизмы управления в международном водном праве. И тут осечка. Оно их не содержит.
Зарубежные эксперты, дискутируя с коллегами из стран Центральной Азии по многим вопросам, “про механизмы” согласились. Их нет. Международная система водного права формируется всего несколько десятилетий. Скажем, Хельсинкские правила — первый международный документ, обнародованный в 1966 году — разработан частными лицами. В 1992 году в Хельсинки же была принята Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер. Документ куда серьезней. Но, инициированная странами-членами Европейской экономической комиссии, эта конвенция отражает в основном беды и проблемы Европы — избытка вод и загрязнения. В ней — ни слова о дефиците.
В 1997 году Генеральной ассамблеей ООН ратифицируется Конвенция о несудоходных видах использования международных водотоков. Содержит много важных принципов, включая обязательство сотрудничества и совместного управления. Но хватает и неопределенностей, и даже противоречий. Мало практических положений о вододелении — центральной проблеме большинства водных конфликтов.
Молчит международное право о том, что делать низовьям, когда в верховьях происходит рокировка приоритетов. В верховьях стран Центральной Азии теперь за королеву — энергетика, а ниже — нехватка поливной и питьевой воды, ухудшение ее качества. И такую надо делить, но уже с помощью национального водного права. А у него корни из прежнего строя, их кто-то рубит, а кто-то использует.

“Надо стремиться к гармонии”

Так говорят водники в тренинговом центре Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии. Сюда съезжаются специалисты пяти стран каждый месяц. Уровни разные — министерский, областной, районный. Темы встреч тоже разные, но чаще всего обсуждаются перспективы интегрированного управления водным хозяйством. Здесь делятся информацией члены МКВК, сотрудники ее научно-информационного центра, зарубежные эксперты и, конечно же, приехавшие с мест. Водники стремятся к пониманию. Им очевидно, что “интегрированное управление” должно иметь надежную юридическую базу. Но крайне скудна информированность о национальном водном праве в пяти странах, и однажды к разговору приглашаются юристы, которых спрашивают: “Что представляет собой национальное водное право в вашей стране, как увязываете его с

международным, ваши приоритеты и проблемы?” А вот что отвечают.
В Туркменистане корни национального водного права — из прежнего строя, тут действует принятый в 1978 году “Водный кодекс Туркменской ССР”. Он остается механизмом государственного регулирования вопросов рационального использования и охраны водного фонда страны, хотя и подкорректирован решениями и постановлениями президента и правительства. Многие считают: надо отказаться от любых форм революционности в столь консервативной сфере, каковыми являются водно-земельные отношения. Реформы водного законодательства нужны, но только после того, как скажутся результаты реформы земельного законодательства и законодательств, регулирующих частное предпринимательство.
А в этих сферах ситуация такова. Основной формой землепользования стала аренда, хотя в перспективе прогнозируется рост численности частных землевладельцев. У арендаторов наделы — от одного до четырех гектаров. Но доходы малы, и пока нет у них средств ни на собственную технику, ни на оплату услуг оросительной и коллекторно-дренажной сети. Вода для орошения в пределах лимитов предоставляется бесплатно. Затраты на содержание внутрихозяйственных систем, обслуживаемых водохозяйственными организациями, частично погашаются за счет трехпроцентных отчислений от прибыли сельчан после продажи урожая, а в основном за счет бюджетных ассигнований.
А вот как в Таджикистане. Все законодательство достаточно подвижно. К примеру, Водный кодекс был принят в 1993 году, но в 2000-м он переделан и принимается заново. Вместо введенных в девяностые Земельного кодекса, законов об охране природы и ряда других готовятся новые. Они должны соответствовать Водному кодексу, а в нем главное звено — экономический механизм водопользования.
Впрочем, рыночный механизм стал действовать еще в 1996 году с изданием президентом Таджикистана указа о введении платы за услуги по подаче воды из государственных оросительных систем. Управлять водными ресурсами предполагается в пределах гидрографических, а не административных единиц, а платежи за воду и ее доставку брать в зависимости от конкретных условий.
Сейчас тарифы явно не соответствуют фактическим затратам на содержание и эксплуатацию водохозяйственных систем. Они страдают из-за недостатка средств и деградируют. До приватизации далеко. Со временем внутрихозяйственную сеть предполагается передать ассоциациям водопользователей, но и в будущем сохранить в собственности государства важнейшие и уникальные сооружения.
В Кыргызстане законодательство допускает возможность создания совместных предприятий, открытых акционерных обществ, других юридических структур с участием иностранного капитала и иностранных юридических лиц для ведения водохозяйственной деятельности.
Разрешаются сдача иностранным юридическим лицам в концессию водных объектов или их участков, а также сдача в аренду водохозяйственных систем и сооружений — так сказано в Законе “О воде”, принятом в 1994 году. Им же установлена платность прав водопользования, а также услуг по водоподаче и за сбросы загрязняющих веществ. Хотя закон и сыграл свою роль на определенном этапе, но он нуждается в корректировке. Намечено объединить ряд действующих законов в единый Водный кодекс.
Одна из неотложных задач — уточнить нормативы водопотребления, охраны вод, безопасности водохозяйственных сооружений и водохозяйственного строительства. С этим пока задержались и от того проблемы. Но точно также проблемы создали и некоторые поспешные действия в рамках реформ. В качестве примера специалисты

ссылаются на непродуманную приватизацию производственной части единой технологической службы эксплуатации ирригационных систем. По сути она теперь ничья, нет у частников денег — нет системы.
А как в Казахстане? Здесь тоже создается свое национальное водное право. Основной закон, регулирующий водные отношения, Водный кодекс Республики Казахстан был принят в 1993 году. Общее водопользование в республике бесплатно, а специальное — за плату. Действует положение о порядке исчисления, взимания и внесения платы за пользование водными ресурсами поверхностных источников по отраслям экономики, установлены ставки платы.
Узбекистанскому читателю нет смысла подробно излагать суть отечественного водного права, хотя на встрече юристов и водников о нем говорилось немало. Напомним лишь, что Закон “О воде и водопользовании” был принят в 1993 году. Он определяет, что “воды являются государственной собственностью — общенациональным богатством Республики Узбекистан, подлежат рациональному использованию и охраняются государством”. Законом вводится лимитированное водопользование и допускается введение полного или частично платного водопользования.
…Трудно при таких разных подходах гармонизировать национальное водное право. Но если этим не заниматься, то, как невесело шутят специалисты: “Можно разлететься, как в космосе, даже если нас разделяет только дувал”. Еще важнее гармонизация международных водных отношений. Как в идеале они представляются в пяти странах региона?

Разные идеалы

Воды всем странам по течению как Сырдарьи, так и Амударьи хотелось бы забирать побольше. В этом они едины. Но если так поступать, то наступит полный раздрай. Соглашение 1996 года между Туркменистаном и Республикой Узбекистан о сотрудничестве по водохозяйственным вопросам закрепило вододеление стока Амударьи у водомерного поста Керки в равных долях пятьдесят на пятьдесят. Оно заключено как бессрочное, и официально никто эти доли не оспаривает. Но никто и не гарантирует точного водозабора. Кто сколько берет — вне контроля. А в итоге между туркменским Керки и нижележащим узбекским Туямуюном “испаряются” кубокилометры!
Практики из Туркменистана убеждены, что эффективность управления трансграничным стоком можно повысить, если страны Центральной Азии согласуют и примут еще один международный документ — протокол автоматизированного сбора, передачи и обработки информации с пакетом сценариев водохозяйственной обстановки. “На их основе можно будет принимать решения в рамках существующих соглашений, но без влияния “человеческого фактора”.
В Таджикистане свое представление об идеальных межгосударственных водных отношениях. “Вододеление советского периода не может отвечать национальным интересам страны, — так говорят. — Прежний компенсационный механизм не действует. Нужно на межгосударственном уровне разработать и установить новые принципы вододеления с новым компенсационным механизмом”. Что тогда? В Таджикистане есть глубокие и узкие ущелья и значительные водные ресурсы. На незарегулированной реке Пяндж можно построить гидроэнергетический каскад с полезным объемом водохранилищ свыше семнадцати кубокилометров. “Сотрудничество стран Центральной Азии в освоении гидроресурсов будет беспроигрышным”.
К этой точке зрения нельзя не прислушаться. Ведь тем или иным путем, но таджики намерены двигаться к продовольственной безопасности. А “иной путь” — это развитие орошаемого земледелия, дополнительный забор воды на поля из трансграничных рек, а

еще — зимние попуски воды из водохранилищ для выработки электроэнергии. Но это для низовий далеко не радужный вариант.
В Кыргызстане также считают, что нужен новый компенсационный механизм. Он позволит вернуться к ирригационному режиму Токтогульского водохранилища и избежать зимних паводков. Если выше Токтогула построить гидроузлы с водохранилищами Камбарата-1 и Камбарата-2, как когда-то планировалось, то государства ниже по течению получат гарантированный сток.
Каков иной путь? Расширять поливное земледелие, увеличив забор воды. По национальному водному праву это возможно: “советские” квоты на воду для стран бассейна Арала в Кыргызстане не считают незыблемыми. “Пересмотр допустим, если изменятся демографическая или экологическая ситуации или под угрозой окажется продовольственная безопасность страны”.
Какие права при этом будут у бассейнового водного объединения? Да никаких. Хотя президент, как и другие региональные лидеры, признал в 1993 году, что функции бассейнового управления возложены на БВО, хотя в межгосударственном Соглашении 1998 года об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарьи про БВО “Сырдарья” сказано, что оно является исполнительным органом, обеспечивающим режим попусков воды из водохранилищ, но это противоречит национальному законодательству. В нем закреплено право собственности государства на все водные объекты и ресурсы, имеющиеся на его территории.
Как видится идеальное развитие межгосударственного права кыргызским правоведам? Прежде всего — разработка и принятие Региональной водной стратегии. В дополнение к ней по Сырдарье нужно соглашение четырех стран — Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Казахстана — о принципах долевого участия в возмещении затрат по эксплуатации и техническому обслуживанию водохозяйственных сооружений межгосударственного пользования. А далее — исполнение стратегии.
Узбекистанцы вполне солидарны, когда коллеги из сопредельных стан говорят о необходимости региональной водной стратегии, и очень болезненно реагируют, когда “катят бочку” на бассейновые водные объединения. Без них какое управление?! Исходя из того, что крупные бассейны влияют на жизнь миллионов людей, бассейновым организациям должен быть придан дипломатический статус международных органов. Особо крупным предпочтительно придать статус органов ООН, подчеркивая их независимость от правительств.
Вот так в идеале. Для контроля за деятельностью бассейновых организаций, чтобы действовали в интересах всех стран и природной среды, надо создать правление. Впрочем, назвать его можно как угодно, принципиально другое: правительства и группы водопользователей должны быть представлены на паритетных началах.
А теперь идеальное представление о финансах. Странам следует взять на себя ответственность за финансовую поддержку бассейновых организаций. Если какая-то из стран осуществляет многолетнее и сезонное регулирование в интересах других стран своими силами при соблюдении ими общих интересов бассейна, то страны бассейна обязаны участвовать в финансировании этих сооружений. Страны бассейна имеют право уступить временно или на определенный срок бесплатно или за согласованную плату часть своих лимитов воды, вступая при этом в двусторонние соглашения, не затрагивающие интересы соседей.
Как видно, предложений от узбекистанских водников и юристов много, есть и другие. Вопрос в том, какие будут приняты. Это ведь зависит от политиков.
Казахстанцы тоже настаивают на гармонизации международного водного права. Много

говорят о загрязнении водных ресурсов, ведь половину их получают из-за пределов государства. Рассматривая экологические аспекты, признают, что некоторая правовая база уже существует, “некоторая”, потому что разработана довольно поверхностно. Основной документ — Соглашение о взаимодействии в области экологии и охраны окружающей среды — принят в рамках Содружества независимых государств в 1992 году. В статье второй этого соглашения “Стороны обязуются на своей территории устанавливать научно обоснованные нормы вовлечения в хозяйственную и иную деятельность природных ресурсов, а также лимиты их безвозвратного изъятия с учетом необходимости обеспечения всеобщей экологической безопасности и благополучия…”
А что происходит на деле с водными ресурсами? В бассейне Арала экологически допустимый объем изъятия всех видов вод определен в 78 кубокилометров. Но фактически нынешний уровень потребления достигает 106 кубокилометров. Впрочем, бывали времена, когда он достигал почти полного исчерпания. В идеале должно быть так: если государство превысило безопасный объем изъятия, пусть внесет плату в фонд бассейна за сверхнормативное пользование средой. Взнос пойдет на защитные и компенсационные меры.
Если и дальше развивать экологическую часть международного водного права, то надо обязательно зафиксировать: для сохранения рек и водоемов в качестве природных объектов попуски из водохранилищ и величины потоков по реке для каждого промежутка времени в течение года должны быть не меньше минимально наблюдаемых в реке за весь период наблюдений и не больше максимальных. Для поддержания биопродуктивности и окружающей среды потребности в воде дельты надо устанавливать и по объему, и по времени.
Проблема, как контролировать договоренности. По соглашению предполагалось использовать согласованные методики при оценке воздействий хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду. А они все дальше расходятся. Между тем вот-вот заявит о своих правах на воду шестой пользователь воды в бассейне Аральского моря – Афганистан. До сих пор его никто всерьез в расчет не принимал – был воюющей страной. Переход его к мирной жизни после антитеррористической операции осенью 2001 года столь же стремителен, как и распад Союза. Вспомним предупреждение правоведов-международников: “Вероятность и интенсивность конфликта повышается по мере того, как скорость изменений в пределах бассейна превышает его организационный потенциал…” Надо сотрудничать. Настала пора приглашать его и к участию в Межгосударственной водохозяйственной комиссии, и к разработке регионального водного права, ведь Афганистан – в верховьях.

Одна на всех

“Вода – не яблоко раздора, а стержень кооперации”, — так говорят водники и правоведы. В тренинговом центре между серьезными дебатами профессионалы шутят, что много “правд”, а консенсус один. К нему и надо прийти через разные точки зрения.
…После того как обосновывается точка зрения Кыргызстана на то, что вода — товар, свою позицию излагают водники и юристы Казахстана: “Не корректно ставить знак равенства между водой и, скажем, нефтью. Речная вода — ресурс возобновляемый, она динамична и не знает границ.
К тому же она не только производительная сила, но и природная стихия. Если какое-то государство объявляет себя ее собственником, то пусть возьмет на себя и ответственность за ущерб, наносимый ею соседним странам, например, за зимние паводки!”
Тут граждане пяти стран вспоминают, как в начале встречи играли с подачи

международных экспертов в жителей Верхнего и Нижнего государств на реке Майдарья и дружно разматывали ниточку конфликтов. Почему не попробовать еще раз?
Итак, река Сырдарья. Кыргызы после развала Союза остались с водохранилищами и ГЭС, но со слаборазвитым и малодоходным земледелием. Безопасность плотин, особенно Токтогульской, и гидросооружений требует больших средств. С переводом их на энергетический режим продавать за рубеж удается двадцать процентов электроэнергии. Вырученных средств не хватает, страна в долгах.
Ниже находится горный Таджикистан, далее — земледельческие Узбекистан и Казахстан, заинтересованные в ирригационном режиме водохранилищ. В Узбекистане, к примеру, площади орошаемых земель занимают 4,27 млн гектаров. В сельское хозяйство, в основном на поливы и промывки, идет 87 процентов из общего объема водоподачи. Все б хорошо, но общий объем в вегетацию все скромней. Меньше урожаи, меньше доходы, выше убытки. Та же беда и в Казахстане.
Проигрыш или выигрыш зависят от управления водными ресурсами. Лишь на первый взгляд кажется странным, почему Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия вкупе с БВО “прокалывается”. Ее уполномочивали и водники, и президенты. Зато энергетики не уполномочивали, а они как раз и командуют шлюзами! На этой стадии вода еще не стала стержнем кооперации.
Но страны разматывают ниточку конфликтов: в марте 1998 года подписывается соглашение между правительствами Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарьи. Конечно, оно не идеально, в чем-то противоречит внутренним законодательным актам, но в нем партнеры достигли определенного равновесия интересов-выгод и хоть с трудом, но стремятся выполнять, принимая каждый год рабочие соглашения с указанием конкретных объемов, сроков перетоков электроэнергии, попусков воды и поставок топлива.
Заключаются и двусторонние соглашения: узбекско-таджикское затрагивает две реки — Сырдарью и Амударью. Узбекско-туркменское – оговаривает водохозяйственные отношения на Амударье. Все это шаги к консенсусу.

МКВК нужны статус и финансы

В конце февраля 2002 года президенты Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана на встрече в Алматы принимают решение о создании организации “Центральноазиатское сотрудничество”. Надежд, связанных с ней, много: может быть, на ее базе возникнет водно-энергетический консорциум, который сбалансирует интересы-выгоды вокруг речных русел? А может, деньги консорциума позволят МКВК подрасти в статусе?
Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия каждый сезон исходя из прогнозов метеорологов определяет странам лимиты водопотребления, а ее подразделения — бассейновые водные объединения — управляют речной водой. Так теоретически. Однако ладно задуманную систему подрывают всякие мелочи. Например, уровень принимающих решения. Поначалу он был высок, но спустился до чиновников второго-третьего ранга, которые своим министрам не указ, и тем паче чужим.
Но даже если и указ… Сложно управлять задвижками на территории пяти независимых государств, контролировать вододеление, если у сотрудников бассейновых объединений для авторитета есть максимум дипломатический паспорт. О дипломатическом статусе МКВК и БВО – одни мечтанья, да и финансы их ограничены.
Финансы выделяются из бюджета Международного фонда спасения Арала. Бюджет складывается из ежегодных взносов пяти стран: в первые лет шесть взносы составляли 25-32 процента от установленного размера, к началу нового тысячелетия страны

подтянулись кто до ста процентов, кто до пятидесяти. Но собираемые в год несколько миллионов долларов не такие уж большие деньги, к тому же они дробятся на разные цели.
Сколько надо финансов? По расчетам только на восстановление Большого Ферганского канала требуется 21,6 млн долларов, канала Дустлик – 40,3 млн долларов, на прочие сооружения, управляемые БВО “Сырдарья”, надо еще миллион с лишним. А ежегодные затраты на эксплуатацию и техническое обслуживание оцениваются в 1,4 млн “зеленых”. В бассейне Амударьи такая сумма требуется каждый год на дноуглубительные работы и в три раза большая — на эксплуатацию и техническое обслуживание.
Пока еще БВО, несмотря на все трудности, связанные с дефицитом средств, умудряются обеспечивать устойчивый режим эксплуатации своих сооружений. “Однако без значительных инвестиций в сооружения и структуры, находящиеся на их балансе, система будет приходить в упадок и разрушаться”, — таково мнение специалистов.

Доноры нам помогут?

Значительных инвестиций ожидали от зарубежных доноров, начиная с лета 1994 года. Тогда, собравшись в Париже, доноры вслед за президентами пяти стран провозгласили свою Программу бассейна Аральского моря для поддержки “плана конкретных действий” центральноазиатских стран. Общая стоимость международных обязательств составляла 40 миллионов долларов и 160 миллионов доноры предполагали выделить в качестве льготного кредита.
Хотя и были отдельные успешные проекты, но через шесть лет доноры признали, что в целом обязательства не выполнены. Реальные инвестиции в регионе не превысили двадцати процентов. Более половины стоимости всех вложений возвратились обратно вкладчикам в форме оплаты услуг иностранных консультантов. В половине случаев к провалу привели недостаточный уровень знаний консультантов и отсутствие у них ответственности за конечный результат. Правление Международного фонда спасения Арала предлагало привлечь местных специалистов, все-таки здесь не Африка, у нашего персонала — высокий уровень технических, научных и инженерных навыков. Но, увы.
Зато теперь ситуация меняется. Есть основания смотреть с оптимизмом на Всемирный банк — он принял политику финансирования проектов трансграничных водных ресурсов. А базируется эта политика на двух основных принципах: “непричинения ущерба ниже расположенным пользователям” и “справедливого распределения ресурсов между всеми странами бассейна”. При их соблюдении страны бассейна могут рассчитывать на кредиты. Так крупный донор становится арбитром в спорах — будет следить за соблюдением принципов, и центром экспертизы — оценивать предложения.
Для начала Всемирный банк дал согласие профинансировать проект МФСА и Глобального экологического фонда: “Управление водными ресурсами и окружающей средой в бассейне Аральского моря”. Проект выполняется национальными группами пяти государств. Всемирному банку он поможет понять, почему возник аральский кризис и каковы варианты вкладывания средств в перспективе. А у стран региона есть шанс сравнить разные варианты развития событий и выбрать оптимальный сценарий, иначе говоря, региональную водную стратегию.

“Познай себя!”

Выработать стратегию рационального водопользования и охраны водных ресурсов в бассейне Аральского моря являлось одной из главных задач Программы конкретных действий, принятой президентами пяти стран в январе 1994 года в Нукусе. В 1997 году региональная стратегия была готова, но отклонена из-за несоответствия национальным приоритетам.

Новый проект нацелен на создание условий для консолидации стран Центральной Азии. Обязательны учет национальных и экологических интересов стран и региона в целом. В нем пять подпроектов или компонентов: “Управление водными ресурсами и засолением земель”, “Формирование общественного мнения”, “Трансграничный мониторинг”, “Безопасность плотин”, “Восстановление озера Судочье”. Общая стоимость — два десятка миллионов долларов.

Юристов и водников прежде всего волнуют результаты по первому компоненту. Работа над ним начата в 1999 году и основные выводы уже сделаны. Неподготовленного читателя они могут сильно удивить. На основе докладов пяти национальных групп их сформулировали в региональной рабочей группе. Послушаем, что говорят специалисты. “Основной проблемой в бассейне Арала является не недостаток водных ресурсов. Их достаточно при рациональных стандартах управления и для орошения, и для экологических целей. Но используются неэффективно: они или уходят в грунтовые воды при фильтрации, или попадают в дренажную систему, из которой почти половина теряется в пустынных понижениях. Около половины всей воды, подводимой к границе хозяйств, не достигает поля. Хотя на поле потери из-за фильтрации тоже значительны, но в основном они из-за недостатков в управлении. Стандарты управления на поле очень низкие. И как результат чрезмерного полива большая часть воды, попавшей на поле, уходит в грунтовые воды”.

Хотя первая реакция на эти выводы – активное неприятие, но ведь сделаны они не сбухты-барахты. Стоить подчеркнуть: подытоживала региональная рабочая группа в Ташкенте на основе документов, поступивших от пяти национальных рабочих групп. Выводы архиважны для межгосударственных взаимоотношений, включая взаимодействие в управлении водными ресурсами, совместное решение других вопросов.

Почему земля соленая?

“Она соленая не потому, что воды мало, а потому, что много”. Как ни парадоксально это утверждение, но оно доказательно. Водники и юристы пяти стран региона имеют возможность изучить отчет по компоненту “Управление водными ресурсами и солями” от корки до корки. Тем более это сделают во Всемирном банке, Глобальном экологическом фонде, проштудируют и другие потенциальные инвесторы и грантодатели. Мы же посмотрим основные выводы.

“Площади с высокой степенью засоления почв за последнее десятилетие в регионе увеличились на тридцать процентов. В Узбекистане в бассейне Сырдарьи прирост таких земель составил 46 процентов, в бассейне Амударьи — 34 процента”. Указаны и адреса, где самый быстрый рост. В бассейне Сырдарьи — это Ферганская долина, а если еще точнее, Ферганская область и Голодная степь. В бассейне Амударьи быстро расширяются площади с высокой степенью засоления Бухарской зоны и все зоны дельты — а это Хорезм, северный и южный Каракалпакстан.

Статданные по засолению и по подъему грунтовых вод — почти один к одному. Читаем: “За десятилетие в бассейне Арала земель с высоким уровнем грунтовых вод (УГВ) прибавилось на 35 процентов. Общая площадь таких земель составила 2,5 миллиона гектаров, а это примерно тридцать процентов всех земель бассейна, освоенных для орошения”.

На таких землях нужна промывка почв, нужны дренажные системы. И при этом никакой гарантии, что земли смогут и дальше служить. Шестьсот тысяч гектаров ранее орошаемых земель за десять лет в бассейне Арала таковыми быть перестали. Орошаемые культуры тут не культивируются прежде всего из-за высоких грунтовых вод. Их главная причина — потери при орошении. Пять национальных рабочих групп собрали

информацию, обобщила ее региональная, она же подсчитала, где и сколько идет воды не на пользу, а во вред. Все детали — в докладе. Но вот просто кричащая цифра: почти половина всей воды, забранной из рек, теряется из внутрихозяйственных систем каналов! Что значит “теряется”? Какая-то часть сбрасывается в коллекторы, другая попадает в грунтовые воды…

Региональная рабочая группа подсчитала по всему бассейну общие затраты национальных экономик от высоких УГВ и вторичного засоления. Ежегодно они составляют 1320 миллионов долларов. Это почти треть стоимости потенциальной продукции сельхозкультур. На эту сумму не добираем доходов. И еще один нюанс: “экономические затраты на промывки — самые большие из себестоимостей на единицу товара”.

Так сколько ж надо воды?

Расчет для основных сельхозкультур сделан в результате исследований, проведенных для каждой из одиннадцати метеорологических зон бассейна Арала и для шести разных типов почв. В ходе этих же исследований оценивалось влияние орошения на урожайность при фиксированном числе поливов, а также количество воды, необходимое для растений при различных уровнях грунтовых вод.

“Если грунтовые воды залегают на глубине в метр, то они обеспечивают потребности хлопчатника в воде на 80 процентов. При таких условиях достаточно двух поливов, привычные четыре ведут к чрезмерному увлажнению. Даже когда глубина грунтовых вод равна двум метрам, они примерно на пятьдесят процентов обеспечивают потребность сельхозкультур”. Впрочем, бывает и по-другому, когда при четырех фиксированных поливах, если нет высокого уровня грунтовых вод, а в некоторых случаях даже если и есть, хлопчатник испытывает стресс из-за нехватки влаги, а поле теряет долю оптимального урожая. В общем, надо досконально знать поле и поливать, когда оно в том нуждается.

Наверное, со временем так и будет. Но начинать борьбу с потерями специалисты, занятые в компоненте “Управление водными ресурсами и засолением земель”, считают, надо не с поля. Как ни агитируй, но фермерам пока не хватает экономических стимулов для эффективного использования воды. Появятся — и учиться пойдут, и длину борозд отрегулируют по науке, и поле с помощью лазера выровняют, и приборы для мониторинга почвенной влаги установят, и смогут оплачивать услуги по качественной подаче воды. Но для этого надо, чтобы сельское хозяйство стало рыночным. А это больше зависит не от практиков, а от политиков.

Практики же, определяя с чего начать, в каждой из пяти республик изучали потери на каждом из этапов. Вот — магистральные каналы, облицовку имеют менее трети. Просачивание происходит через откосы и дно. А вот каналы внутрихозяйственные — много утечек и здесь, ведь бетонная облицовка и вовсе у немногих. Сильно текут разрушенные лотковые системы, установленные в пору освоения целины. Им — десятки лет, и они давно свое отработали.

Для управления водой в хозяйственной системе каналов практически нет никакой техники. Большинство этих каналов никогда и не было оборудовано шлюзами-регуляторами, затворами и измерительными приборами. Вместо регулирующих механизмов обычно тут используют мешки с грунтом. Лишняя вода сбрасывается в коллекторы. Туда же сбрасываются и дренажные стоки. Но сама дренажная система тоже до крайности изношена. И здесь огромные потери. Как утверждают специалисты, площадей с высоким уровнем грунтовых вод было совсем немного, когда дренажная сеть поддерживалась в хорошем состоянии.

К сожалению, количество потерь на каждом из этапов ни одной из пяти национальных рабочих групп подсчитать так не удалось: гидропостов в системе каналов мало, оборудование же на тех, что есть, на ладан дышит. Какие рекомендации? Специалисты предложили низкозатратные методы уменьшения фильтрации, но предположили, что, скорее всего, они окажутся дороже, чем меры по улучшению эксплуатации ирригационных систем и измерений.

Будут измерения — будут учет и ясность, и в отношении воды для дельт и Арала тоже. Среди водников, собирающихся в тренинговом центре Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии, нет-нет да и прозвучат призывы лишить море прав на воду, хотя оно и признано странами региона равноправным шестым водопользователем. То же самое ”обойдутся” говорят и про ветланды — открытые водоемы и поймы вдоль основных русел.

В рамках проекта “Управление водными ресурсами и окружающей средой в бассейне Аральского моря” национальные рабочие группы на своих территориях провели оценку наиболее важных водных объектов и определили требования на воду для сохранения существующих ветландов в дельте Амударьи, нижнем течении Сырдарьи и Северного моря. Сейчас необходимый объем определен в 12,9 кубокилометра. Не реалистично. На будущее с учетом того, что страны принимают национальные планы действий по охране окружающей среды, требования на воду дельт и Северного моря обозначены в 23,5 кубокилометра. Может быть, они их и получат… Если слушать не скептиков, а оптимистов.

Зачем дополнительные водохранилища?

Международные эксперты из Великобритании, участвуя в дискуссиях водников и юристов пяти стран, рассуждают со стороны. Потому-то и щедры на оптимистичные прогнозы. “Если пять стран договорятся о расчетах за услуги по регулированию стока, им не понадобится строить дорогостоящие дополнительные водохранилища. Вода будет подаваться в срок, а кредиты, которые наверняка дадут и Всемирный банк, и другие доноры, позволят усовершенствовать ирригационную сеть, снизить потери воды и направить ее в низовья”. В этом оптимистичном прогнозе останавливает лишь оговорка “если…”

В проекте, который Всемирный банк уже финансирует, национальные рабочие группы, кстати, тоже рассматривают возможность “если договорятся”. Они считают, что плата не за воду, а за услуги вполне допустима. Уже ведь действуют соглашения по обмену электроэнергией. Следующим шагом могли бы стать соглашения о пропорциональном распределении затрат на эксплуатацию и техническое обслуживание гидросооружений, что могло бы рассматриваться как плата за услуги. Конечно, посчитать не просто: потери и выгоды при том или ином решении есть у каждой стороны. Но ведь есть прецеденты в мире, когда страны их подсчитывали и договаривались!

Пока пять стран в бассейне Арала не договорились, каждая рассматривает вопрос о строительстве дополнительных водохранилищ. Кыргызстан планирует прежде всего завершить строительство Камбараты-1 на реке Нарын выше Токтогула. Строительство этого объекта было начато в конце восьмидесятых, но приостановлено после распада Союза. На достройку надо миллиард долларов.

Еще один гидроэнергетический объект, начатый в конце восьмидесятых, планирует достроить Таджикистан — речь идет о Рогунской плотине и ГЭС на Вахше, выше Нурекского водохранилища. Узбекистан определяет возможности для создания трех дополнительных емкостей в Ферганской долине. Казахстан исследует понижения Коксарая ниже Чардары: построив здесь водохранилище, сможет задерживать часть

зимних попусков из Токтогула. Правда, потери из-за испарения ежегодно будут составлять свыше трети кубокилометра. Воду жалко, и климат окрест поменяется, но так в планах. Свои разработки и у Туркменистана.
В региональной рабочей группе были изучены все варианты создания дополнительных водохранилищ и ГЭС, представленные республиками. Общая их стоимость – одиннадцать миллиардов долларов. Сколько ж лет уйдет на освоение этих средств, а потом на выплату процентов инвесторам? Впрочем, вот заключение специалистов: “Создание дополнительных водохранилищ — это второстепенный вариант по отношению к варианту заключения совместного соглашения по устойчивому использованию имеющихся водохранилищ, в частности, Токтогульского”.
Договориться – дешевле. Региональная рабочая группа разработала предложения, по каким позициям можно определиться уже завтра, а по каким – через пять, через десять лет. Очень важны обязательства стран по поддержанию объема Токтогульского водохранилища, фиксация режима его работы на пять лет, зависимость графика попусков от обмена энергоресурсами, а еще пропорциональное распределение затрат на эксплуатацию и техническое обслуживание гидротехнических сооружений заинтересованными сторонами… Далее — переход от компенсаций за электроэнергию к свободной рыночной торговле с денежными расчетами. Еще далее, когда и в сельскохозяйственном секторе установится рыночная экономика, — введение оплаты за доставку воды для орошения. Тогда ассоциации водопользователей начнут заказывать руководству плотин попуск воды в нужном объеме и в нужное время.
Это все мечты оптимистов. Как станут развиваться события на самом деле? Чтобы быть реалистами, национальные рабочие группы совместно с соответствующими государственными организациями подготовили по три-четыре сценария развития своих стран — от плохого до очень хорошего на ближайшие 25 лет.
Какой лучше?

Молодежь всегда смотрит в будущее с оптимизмом. Точно так и каракалпакская, особенно, если на улице — праздник. Но и она задумывается, что по официальной статистике в Каракалпакстане — пятьдесят тысяч безработных, что из-за маловодья упали доходы как края в целом, так и очень многих семей, что дотации, за счет которых в основном и живет республика, не безграничны, что после школы молодых встретит довольно жесткая жизнь.
Самые лучшие — сценарии восстановления. Они предусматривают быстрое претворение в жизнь политических реформ, рыночные отношения, повышение уровня объема инвестиций и экономическую активность. Но может быть и совсем по-другому. Сценарии ухудшения не предполагают существенных реформ, инвестиции в существующие ирригационные системы — минимальны, а экономика, увы, на спаде.

Реалисты, “танцуя от печки”, делают от нее лишь шаг в сторону: “Объемы инвестиций в нынешние ирригационные системы будут все так же недостаточны”.
Казахстанцы — согласно этому “условию” — ожидают, что доля сельхозпроизводства в валовом внутреннем продукте сократится с нынешних 26 процентов до 15-20. Да и сам ВВП снизится. Общая площадь орошаемых земель, составляющая сейчас 786 тысяч гектаров, не изменится, но состояние ирригационных и водохозяйственных структур ухудшится. Ежегодные инвестиционные потребности определены до 2010 года в 52 миллиона долларов и на четверть больше в следующий период.
В Кыргызстане по тому же сценарию ухудшения при минимальных инвестициях надеются предотвратить дальнейший спад экономики. Сейчас фактические затраты на эксплуатацию и содержание трехсот тысяч орошаемых гектаров эквивалентны примерно 2,6 миллиона долларов. Возможно повышение этой суммы еще на миллион.
Сценарий ухудшения для Таджикистана предполагает, что методы ведения сельского хозяйства не изменятся, и политика “распоряжений и контроля” в отношении распределения водных ресурсов также останется без изменений. Инвестиции в водохозяйственную инфраструктуру не увеличатся, спад экономики продолжится. Прироста к нынешним орошаемым землям в 713 тысяч гектаров не предвидится.
В Туркменистане по сценарию ухудшения ожидают снижения уровня сельхозпроизводства при росте орошаемых площадей. Если сейчас они составляют 1,86 миллиона гектаров, то в 2010 прогнозируется 2,48 миллиона, а в 2025 — почти четыре миллиона. Инвестиции в водохозяйственную инфраструктуру, в последнее время варьировавшиеся в пределах 40-45 миллионов долларов в год, вырастут до 237 миллионов.
Реалистичность сценариев ухудшения в региональной рабочей группе не комментировали. Логично, что каждая страна видит ситуацию по своему. Так, в Узбекистане при недостаточном финансировании ожидается сокращение площади орошаемых земель за пять-десять лет с 4,27 миллиона гектаров до 4,19 миллиона. Работы по реконструкции или усовершенствованию ирригационной инфраструктуры будут очень незначительны. Эффективность водопользования составит 0,68. А ежегодные инвестиционные потребности — 266 миллионов долларов.
Эти сценарии пяти республик воспринимаются с тяжелым сердцем, даже если учесть, что их составление — “игра” и степень объективности у национальных рабочих групп разная. Может, кто-то приукрасил, а кто-то сгустил краски. Однако несмотря на то, что правда может быть жесткой и горькой, проект со всеми его сценариями был инициирован Международным фондом спасения Арала и лично президентом Узбекистана Исламом Каримовым, возглавлявшим МФСА. Очень важно знать реальную ситуацию.
В отличие от прогнозов ухудшения сценарии с иными исходными условиями — укрепления и восстановления — воспринимаются с воодушевлением. В Казахстане полностью восстановить водохозяйственные и ирригационные системы намечается к 2020 году, производительность сельского хозяйства увеличить более чем на двадцать процентов, площадь орошаемых земель нарастить до восьмисот тысяч гектаров. Прогноз инвестиционных потребностей к 2025 году — полтораста миллионов долларов.
Кыргызстан намечает освоить к тому же сроку 76 тысяч гектаров орошаемых земель и увеличить уровень сельхозпроизводства на пятнадцать процентов. В планах — завершить строительство не только гидроэлектростанции Камбарата-1, но и еще двух. Триста миллионов долларов предполагается вложить в восстановление ирригационной инфраструктуры. В девять миллионов долларов оцениваются ежегодные затраты на эксплуатацию и содержание.
Таджикистан также намерен осваивать дополнительные площади. Прибавка составит 470

тысяч гектаров. Будет завершено строительство Сангтудинской и Рогунской ГЭС с инвестированием 350 миллионов долларов. Объемы средств на реконструкцию ирригационной и дренажной инфраструктуры определяются в 746 миллионов, а ежегодные затраты на реконструкцию и дренаж — в 29 миллионов.
Туркменистан, предполагая восстановить ирригационную инфраструктуру, площадь орошаемых земель намерен по сценарию восстановления увеличить до 2,64 миллиона гектаров. Правда, объем среднегодовых инвестиций по этому сценарию уж очень велик — 2458 миллионов долларов.
В Узбекистане по тому же сценарию предполагается довести площадь орошаемых площадей до 6,4 миллиона гектаров, а эффективность водопользования — до 0,88. Ежегодные инвестиционные потребности определяются в 1300 миллионов долларов.
Региональная рабочая группа, анализируя сценарии и инвестиционные возможности стран, в большинстве случаев оценила заявленные темпы развития как нереальные. “Получается, все валовые внутренние инвестиции должны быть вложены только в водохозяйственный сектор, а это невыполнимо”.
Так на какие же сценарии опираться, определяя региональную водную стратегию? Нет пока ответа. Но работа над проектом “Управление водными ресурсами и окружающей средой в бассейне Аральского моря” продолжается. И очень важно, что страны уже осознали цену решения проблем вододеления и водопользования. Рыночники учатся считать деньги, а политики осваивают водную дипломатию.
Наталия ШУЛЕПИНА.
\»Правда Востока\», 28.2, 13.3, 20.3, 2.4.2002г. Книга \»Несколько сюжетов на фоне маловодья\», изд.центр \»Янги аср авлоди\», 2002г.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

17.02.2009